

Одн в поле войн

80 лет Александру Солженицыну

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

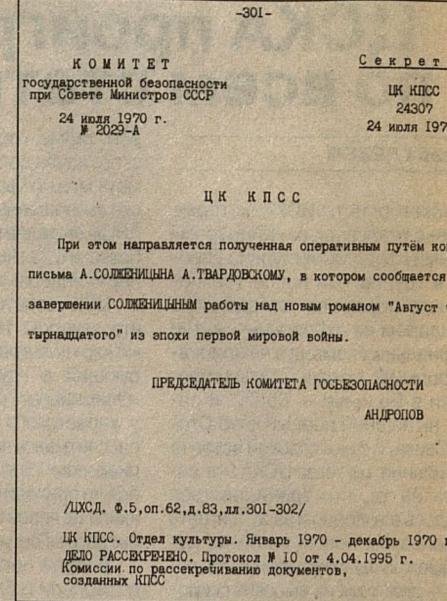
Мы умеем восторгаться взахлеб и самозабвенно улюлюкать. День благодарения не наш праздник; его трезвая радость мало кому доступна. Нетрудно догадаться, как будет встречен 80-летний юбилей самого известного русского писателя второй половины XX века: слезы восхищения перемешаются с трамвайным хамством. Что ж, к чрезмерному жару и нестерпимому холоду Солженицыну не привыкат. Трепетных слов о пророческом даре, и вздорных обвинений он наслушался предостаточно. И в советские времена, и совсем недавно.

Не спешил возвращаться в перестроичный СССР, посмеиваясь над Горбачевым — пеняли за равнодушие к общему делу. Объяснял о скромном приезде — уверяли, что рвется к власти. По возвращении затворился в Троице-Лыкове — возмутились: как же так, он обязан вмешаться в ход событий. Встретился с Ельциным осенью 1994-го — ворчали: пошел в услужение режиму. Фактически объявил бойкот Борису Николаевичу (который как-никак Солженицына подставил, назначив встречу накануне чеченской кампании и словно освятив заведомо неудачный «блокцрик» — солженицынским авторитетом) — вновь недоумевали. В нем видели то спасителя Отечества, который вернет говорухинскую «Россию, которую мы потеряли», то врага народа, предавшего монархические идеалы; то агента мирового сионизма, то зядлого антисемита; то губителя Империи, то носителя имперского сознания; то консерватора сметавших литературные традиции; то разрушителя основ художественности; то со-крушителя коммунизма, то неисправимого тоталитария; то учителя жизни, то равнодушного эгоиста.

Между тем достаточно прочесть написанное Солженицыным в последние годы, чтобы убедиться: ни одна из этих «ролей» ему не подходит. Он любит Россию «петербургского периода», настаивает на возможности восстановления некоторых жизнеспособных форм самоорганизации народной жизни (прежде всего земства), однако трезво понимает (и много раз говорил об этом), какие неизлечимые «болезни роста» сопровождали Империю даже в периоды ее наивысшего расцвета. Тем более опасны мечты о ее возрождении теперь, когда Россия этически обескровлена, обессилена. Он твердо обещал вернуться — и столь же твердо предупреждал, что будет заниматься прежде всего литературой, а уж потом — политикой. Всю размышила о еврейских корнях Богрова, убийца Столыпина, — и писал сочувственно статью об Израиле. Считал монархию вполне приемлемой (хотя и отжившей) формой правления, но вряд ли кто отзывался жестче о Николае II, который трижды проспал Россию. Кажется, мы и впрямь стали страной писателей, страной учченых, никак не сравнимой читателей. В этом Солженицын совершенно невинен.

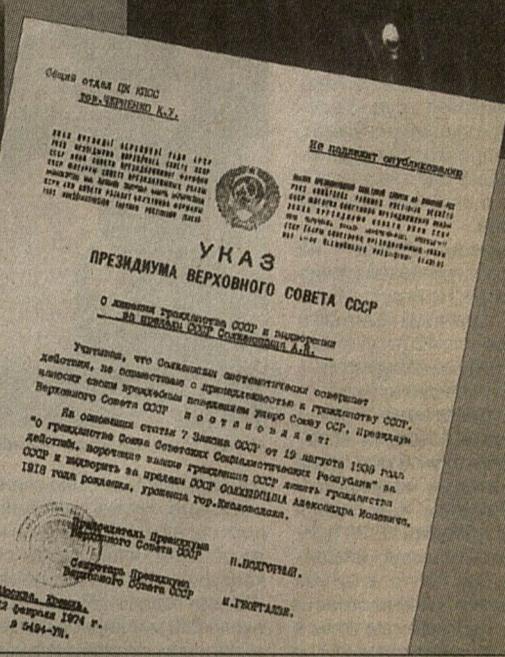
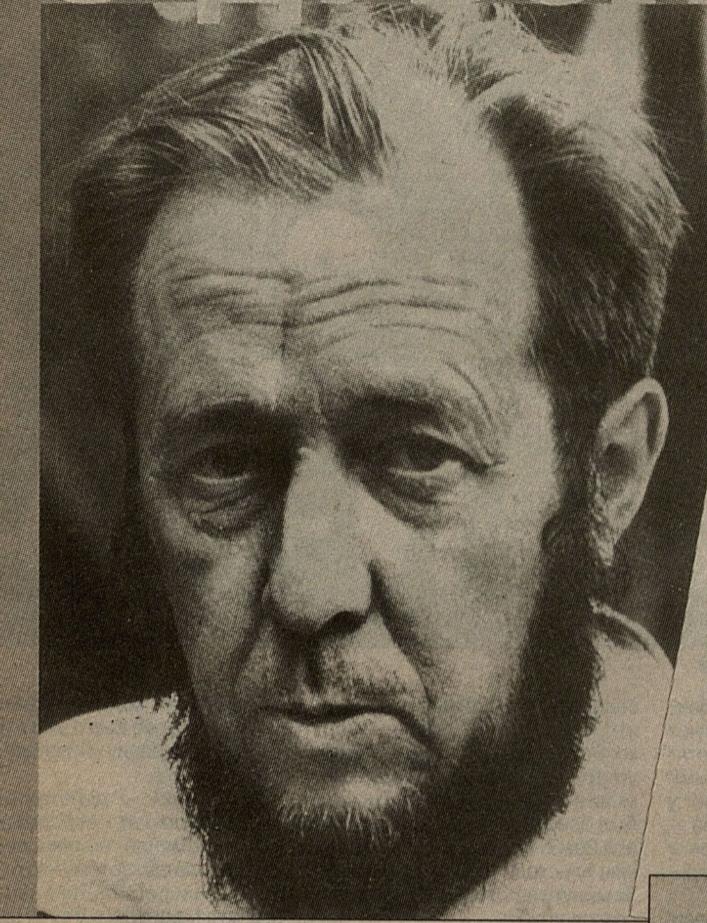
Услышанный
Солженицын

Слава Богу, так было далеко не всегда. Бессмысленно пересказывать сейчас солженицынскую биографию; все, что считал нужным, он поведал в двух автобиографических книгах — «Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни» и «Угодил зёрнышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания» (последняя только что вышла полностью по-

ЛХСД. Ф. 5, оп. 62, д. 83, л. 301-302
ЦК КПСС. Отдел культуры. Январь 1970 — декабрь 1970 г.
ДЕЛО РАССЕКРЕЧЕНО. Протокол № 10 от 4.04.1995 г.
Комиссии по рассекречиванию документов,
созданных КГБ

А.СОЛЖЕНИЦЫН БОДАЛСЯ ТЕЛЁНОК С ДУБОМ

Солженицын
Александр Исаевич
(Исаакьевич)

1918, 11 декабря: родился в Кисловодске. 1924: с матерью переезжает в Ростов-на-Дону. 1936: поступает на физмат Ростовского университета. 1939: параллельно становится зачинщиком московского ИФЛИ. 1941: мобилизация. 1942—1945: фронт, путь от Орла до Восточной Пруссии. 1945: «антисоветская» переписка капитана Солженицына с военным контрразведкой. Приговор по статье 58 УК, пункты 10 и 11: 8 лет лагерей. 1947: переведен в Марфинскую «шарашку» — спецприемнику, где работает в закрытой акустической лаборатории. 1950: этапирован в Экибастузский лагерь; литецщик, каменщик. 1952: участник в знаменитом Экибастузском бунте заключенных; лагерный врач диагностирует у Солженицына рак. 1953: переведен на вечное ссылынопоселение в аул Кок-Терек Джамбульской области Казахстана. 1955: разрешен переход в Ташкент на лечение; обнаружена новая раковая опухоль — в желудке; внезапно смертельная болезнь сама собою отступает. 1956: реабилитация, работа учителем в поселке Торфопродукт. 1959: написана повесть о зеке Иване Денисовиче, которую Л. З. Копелев отнесет в редакцию журнала «Новый мир». 1962, ноябрь: «Однажды Ивана Денисовича» печатается по личному разрешению Хрущева; начало всемирной славы Солженицына. 1963: в «Новом мире» появляются рассказы «Матрёнин двор» и «Случай на станции Кречетовка»; автора «Одного дня...» тщетно выдвигают на Ленинскую премию, пытаются ввести в «придворно-партийный круг». Одновременно начата подпольная работа над документально-художественным исследованием «Архипелаг ГУЛАГ», создается подцензурный вариант романа «В круге первом» (написан еще в 1957—1959). 1967: начат — задуманный еще в отчечестве — исторический роман о русской революции «Р-17». 1969: исключение из Союза писателей. Второй женой Солженицына становится Наталья Дмитриевна Светлова — математик, диссидент. 1970: Солженицыну присуждена Нобелевская премия по литературе. От поездки в Стокгольм он отказывается: могут не пустить обратно. 1971: в Париже издан первый «узел» эпопеи, которая получит название «Красное колесо», — «Август Четырнадцатого». 1973: после обыска, проведенного КГБ, повесилась машинистка Солженицына Елизавета Воронянская. В Париже выходит первый том «Архипелага»; все средства от переизданий этой книги будут поступать в солженицынский фонд помощи заключенным и их семьям. 1974: в самиздат передана статья «Жить не по лжи». 13 февраля: арест, лишение советского гражданства, высылка в ФРГ; вскоре Солженицыны поселяются в Швейцарии. 1976: переезд в США (город Кавендиш в штате Вермонт). 1983: получает Темплтоновскую премию «За вклад в развитие религиозного сознания». 1989: после долгой цензурной отсрочки в летних номерах «Нового мира» печатаются главы «Архипелага» и Нобелевская речь Солженицына, что ознаменовало окончательную отмену цензуры. 1990: отказ от Государственной премии РСФСР за «Архипелаг» («...не могу собирать на ней почет»). 1991: опубликован трактат «Как нам обустроить Россию», начинающийся словами: «Часы коммунизма свое отбили». 1994: возвращение в Россию. Выступление в Государственной думе. 1996—1997: публикация свеженаписанных рассказов в «Новом мире». 1998: цикл статей о писателях XX века (Юрии Тынянове, Василии Гроссмане и др.). Учреждение собственной литературной премии (\$25 000), первым лауреатом которой становится филолог В.Н. Топоров.

Верно: НАЧАЛЬНИК 5 УПРАВЛЕНИЯ КГБ при СМ СССР (БОБКОВ)
(ЦХСД, Ф. 5, оп. 62, д. 83, л. 302)

ознаменовало проповедником, не философом, а писателем. Остановлено не с помощью военной силы, не посредством закулисных переговоров, не энергией умственных построений, а силой литературного слова, как в 1962-м силой литературного слова было надломлено железобетонное основание советского государства.

Собственно, если бы Солженицын ничего больше на протяжении своей 80-летней жизни не сделал, не написал публицистические статьи, названия которых вошли в пословицу «Жить не по лжи», «Образованность», «Как нам обустроить Россию», не выстроил грандиозный свод эпопеи «Красное колесо», не опубликовал потрясающие «двуличные» рассказы 90-х — все равно: «Однажды...» и «Архипелаг...» обеспечили бы ему вечную благодарность потомков. И даровали поэзию, с которого поля для творчества были открыты. Первый их реакцией были гнев и ярость; во французской печати повторялась даже формула, предложенная «Литературной газетой»: Солженицын — литературный властовец. Но месяц за месяцем, день за днем ситуация менялась: «новые левые» начинали вслушиваться в обаятельный голос русского писателя, хитрого эзика; вспущавшиеся — стали задумываться; задумавшиеся — многие, хотя и не все, ужаснулись.

Но все происходит иначе.

Солженицын
неуслышанный

То, с чем мы сталкиваемся сейчас, давным-давно опровергнуто на Западе.

Смертью западной культуры, — называли фундаменталистами. А главное, оправдывая собственную читательскую лень, ссылались на неудобочитаемость «Красного колеса». И действовали по давно известному принципу: «не читал, но скажу».

Многотомное повествование о русской революции «в отмеренных сроках» построено и впрямь предельно сложно; газетная хроника монтируется с беллетристическим повествованием. Здесь есть несомненные вкусовые срывы (особенно связанные с любовной линией), но есть и потрясающая сюжетная тяга, и пронзительный лиризм, и точность исторического взгляда. При всем этом это именно романное сочинение. В отличие от историка, который железнорук исследователь ведет своих читателей от тезиса через систему доказательств к выводу, Солженицын меняется вместе со своими героями; его замысел как бы растет на наших глазах. Первые тома, и прежде всего «Август четырнадцатого», исполнены были антилотовского пафоса; ранние герои «Колеса» убеждены, что ход истории в конечном счете зависит от человеческой воли, которая мучительно трудно, но все-таки согласуется с волей Провидения. В последних томах персонажи все чаще скептически признают непознаваемость истории, ее неподвластность сумме индивидуальных волй...

Не знаю, как переломить тенденцию, преодолеть устоявшееся предубеждение, чем «заманить» читате-

ля в пространство «Красного колеса»? Может быть, хотя бы страшноватыми параллелями с современностью? Вот неутолимость, непреклонность левых, рвущихся в власть; вот — безволие государя; вот — самовлюбленная поза упрямого интеллектуала Милокова, ради красного (в прямом смысле красного) слова, по сути, предающего Россию... Есть какая-то страшноватая ирония в том, что эпопея была практически завершена (точнее, остановлена ради возвращения в любезное Отечество) в 1993 году; ее вынужденно открытый финал словно отзывается эхом октябрьских выстрелов на улицах Москвы, покрасневшей от позора, чуть было не сдавшейся на милость победителя.

Прогност и утопист
Хочу ли я сказать, что Солженицын — пророк, сквозь зарево Октября 17-го заранее предозвестивший сплох о 1993-го? Ничуть не бывало. Он не пророк, прозревающий духовными очами божественные предзначания, а «просто» гениально чуткий прогност, умеющий суммировать свои наблюдения над настоящим и по нему угадать вектор направления будущего. Так Солженицын никогда предрек неизбежную гибель стареющего коммунистического режима, распад советской империи, с поистине инженерной точностью «расчитал» все потенциальные опасности этой гибели и этого распада. А в конце 1997-го, когда многим показалось, что Россия на-